

XXIX-е ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Сборник тезисов международной научной конференции

(15-16 сентября 2021 г.)

Book of Abstracts

(15-16 September 2021)

INTERDISCIPLINARY STUDIES OF LANGUAGES &
CULTURES OF SIBERIAN ABORIGINAL PEOPLES
XXIX DULZON READINGS

Томск

2021

Оглавление

Секция №1 Лингвистика	4
Däbritz, Chris Lasse PECULIARITIES OF EVENKI SPEECH IN THE MANUSCRIPTS OF K.M. RYCHKOV	4
Fejes, László THE PLACE OF “SOUTHWESTERN” KHANTY AMONG THE DIALECTS OF KHANTY	5
Wegener, Hannah CAPTATIVE VERBS IN SELKUP	6
Архипов Александр Владимирович РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЭВЕНКИЙСКИХ ТЕКСТОВ В АРХИВЕ К. М. РЫЧКОВА	8
Буркова Светлана Игоревна МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	9
Буторин Сергей Сергеевич ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ СИТУАЦИЙ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ	10
Винокурова Надежда Ивановна INTERACTION OF CASE AND INDEXICALITY IN DIEN-CONSTRUCTIONS IN SAKHA	11
Гусев Валентин Юрьевич ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ВТОРОГО ДЕСЯТКА В ЯЗЫКАХ СИБИРИ	12
Дмитриева Татьяна Николаевна РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)	13
Дыбо Анна Владимировна РАБОТА НАД ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ АТЛАСОМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ Z-ГРУППЫ	14
Иванов Владимир Андреевич ОСОБЕННОСТИ РЕДУПЛИЦИРОВАННЫХ ИДЕОФОНОВ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ: МЕЖДУ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ И ПАРНЫМИ СЛОВАМИ	15
Иконникова Ольга Николаевна Калинин Степан Сергеевич ЛЕКСИЧЕСКИЕ АФФИКСЫ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ: АРЕАЛЬНО- ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	16
Картер Мэттью Колин ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КЕТСКОМ ГЛАГОЛЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ	17
Коровина Евгения Владимировна ЯЗЫКИ МАЙЯ НИЗМЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ	19
Лемская Валерия Михайловна ЕЩЁ РАЗ О СРЕДНЕЧУЛЫМСКОЙ ФОНОЛОГИИ	20
Либерт Екатерина Александровна НЕМЕЦКИЕ ОСТРОВНЫЕ ДИАЛЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (ПО ДАННЫМ ПОСЛЕДНИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)	21
Мымрина Дина Федоровна Шитц Ольга Александровна К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ	22
Надь Золтан ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА И ТЕХНИКА НА ВАСЮГАНЕ В КОНЦЕ XX В.	23
Панченко Светлана Владимировна ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ 1870–1930 ГГ.	24
Рудницкая Елена Леонидовна МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ «ПРЯМОЙ ОБЪЕКТ + ИМЯ ДЕЯТЕЛЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	25

Русских Алина Алексеевна	
Оскольская Софья Алексеевна	
АДДИТИВНАЯ ЧАСТИЦА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ.....	27
Серээдар Надежда Чылбаковна	
МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	29
Стойнова Наталья Марковна	
ЕСТЬ ЛИ ЭЛАТИВ В УЛЬЧСКОМ ЯЗЫКЕ?	30
Тюнтешева Елена Валерьевна	
ИССЛЕДОВАНИЕ УНИВЕРСАЛИЙ И КОНЦЕПТОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ).....	32
Убалехт Иван Павлович	
ОТКРЫТЫЙ РЕЧЕВОЙ КОРПУС ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР: СБОР РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА.....	33
Хомченкова Ирина Андреевна	
Жорник Дарья Олеговна	
РУССКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В МАНСИЙСКОЙ РЕЧИ.....	34
Секция №2 История изучения языков и культур Сибири: историография сибиреведческих исследований	36
Барсуков Евгений Владимирович	
«ПО СЛЕДАМ» А.П. ДУЛЬЗОНА В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКЕТЬЯ	36
Боброва Анна Ивановна	
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДУЛЬЗОН - АРХЕОЛОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	37
Колесникова Светлана Юрьевна	
Валихова Лариса Витальевна	
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕНИСЕЙЦЕВ (КЕТОВ) В 21 ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	38
Сайнакова Наталья Викторовна	
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В.А. ДРЕМОВА, КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ СЕЛЬКУПСКОГО ЭТНОСА	40
Тучков Александр Геннадиевич	
ОПЫТ РЕОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА ИНОРОДЧЕСКИХ ВОЛОСТЕЙ НАРЫМСКОГО КРАЯ В 1920-1950-Е ГГ.	41
Секция №3 Археология, этнография и фольклор	42
Ким Антонина Александровна	
Ким-Малони Александра Аркадьевна	
ТИПОЛОГИЯ СИТУАЦИЙ ОБОЮДНОГО ОБМЕНА У НАРОДОВ СИБИРИ	42
Лилявина Елена Владимировна	
Лемская Валерия Михайловна	
ТЕРМИНЫ РОДСТВА ЭУШТИНСКО-ЧАТСКОГО ГОВОРА.....	44
Сагалаев Константин Андреевич	
ОБРЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ КОРЯКОВ В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СО РАН.....	45
Солдатова Галина Евлампьевна	
ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА И МЕЛОДИИ В ОБРЯДОВОМ ПЕНИИ ХАНТОВ.....	46

Секция №1
Лингвистика

Däbritz, Chris Lasse

Universität Hamburg, Hamburg (Germany)

PECULIARITIES OF EVENKI SPEECH IN THE MANUSCRIPTS OF K.M. RYCHKOV

In the beginning of the 20th century the linguist and ethnographer K.M. Rychkov (1882 – 1923) collected abundant material on Evenki language and folklore that is preserved at the Museum of Ethnography and the Institute of Oriental Manuscripts in St. Petersburg. The INEL project (*Grammatical descriptions, corpora and language technology for Northern Eurasian languages*) works on digitizing parts of the material in order to include it into the INEL Evenki corpus.

Rychkov's material covers a variety of Evenki spoken in Turukhansk region, whichs shows features atypical for both literary Evenki and the varieties spoken in the Turukhansk region. First, there is frequent variation of *η* and *h* in word-internal positions, e.g. in the personal pronoun of the 3rd person singular <нуџан> *nuʒan* vs. <нухан> *nuhan*, the former one being the variant reported in grammars [Konstantinova 1964: 126] and dictionaries [Vasilyevich 1958: 299]. According to the latter sources (ibid.) the personal pronoun of the 3rd personal plural is *nuʒartin* which can be analyzed as *nuʒa-r-tin* '3-PL-POSS3PL'. In Rychkov's manuscript, however, the possessive suffix is lacking from almost all occurrences of the pronoun, being barely <нуха-р> *nuha-r* '3-PL' there.

In verbal morphology, the ending of the third person singular in finite forms is reported to be *-n* in Evenki [Konstantinova 1964: 170; Vasilyevich 1958: 721]. In Rychkov's material, though, quite frequently the ending *-w* – actually marking first person forms – is used on both full verbs and the negative auxiliary:

- (1) *Омуко'н* *бир'а-ды* *ме'hem-чü-w* *џа'пка-ды.*
Отукон *bir'a-du* *tehet-čü-w* *d'apka-du.*
one river-DAT sit-PST-3SG edge-DAT
'He [= an old man] was sitting at the shore of a river.'
[NNR_190X_RychkovF5P025-1_flk.004]
- (2) [...] – *e'-wa-ða* *e-чü'-w* *бакача'.*
[...] – *e-wa-da* *e-čü-w* *baka-ča.*
 what-ACC-EMPH NEG-PST-3SG find-PTCP.PST
'[The younger brother went for three days] – he didn't find anything.'
[NNR_190X_RychkovF5P059_flk.109]

The paper at hand shall investigate into these and other peculiarities of the Evenki variety documented by K.M. Rychkov and evaluate them against the other Evenki data collected in the INEL project.

References

- Konstantinova, O. A. *Evenkiyski yyazyk. Fonetika. Morfologiya.* Moskva; Leningrad: Nauka, 1964.
Vasilyevich, G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar'.* Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyx i nacional'nyx slovarej, 1958.

THE PLACE OF “SOUTHWESTERN” KHANTY AMONG THE DIALECTS OF KHANTY

Vaysman [2008: 104–126] presents a case study on vowel harmony in a dialect of Khanty, which she calls Southwestern Khanty. Traditionally, Khanty dialects are divided into three groups: Northern, Southern (extinct) and Eastern, the former two grouped together sometimes as Western [Abondolo 1998: 358–359; Honti: 173–175]. In this terminology, Southwestern seems to be a tautologic label for Southern.

The identification of the place where Southwestern Khanty is spoken is fairly vague: Vaysman [2008: 104] states only that it is „spoken near Krasnojarsk (Russia)”. If it is the million city Krasnoyarsk, it is about 1000 kms to the southeast (and not southwest) of the known Khanty territory. Nevertheless, no other settlement seems to emerge as an alternative.

Vaysman [2008: 104] emphasizes that the dialect described by her is distinct from any variants of Khanty described before. She also remarks that the dialect sometimes resembles the characteristic features of the Northern, sometimes those of the Southern dialects. Based on the statements by the members of the community, she also claims that the community is historically mixed. Two speakers could tell that their ancestors came from the area around Surgut. Anyway, they did not understand well „an eastern dialect” recording –, unclear, whether from the Surgut or the Vakh–Vaysugan dialects.

Despite the mixed origin of the community, Vaysman could not identify any difference in their language. She reports all her consultants were fluent in Russian, but no further information on language contact is presented.

In the current presentation, the features of “Southwestern” Khanty important from a dialectological part of view will be surveyed and – based, above all, on DEWOS and Honti [1982; 1984; 1999] – compared to the corresponding features of the other dialects. It will be pondered whether the similarities with different dialects can be common innovations or results of parallel development, or “Southwestern” Khanty must be considered a mix of the already known variants. Taking also into consideration that some peculiarities can result from the mistake of the fieldworker, it will be attempted to identify the place of “Southwestern” Khanty among the other dialects of Khanty.

References & Abbreviations

- Abondolo, D. Khanty. In: *The Uralic Languages*. Edited by Daniel Abondolo. Routledge, London and New York, 1998. Pp. 358–386.
- DEWOS = Steintz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Akademie-Verlag, Berlin, 1966–1978.
- Honti, L. *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1982.
- Honti, L. *Chrestomathia Ostiacica*. Tankönyvkiadó, Budapest, 1984.
- Honti, L. *Die ostjakische Sprache*. In: *The Uralic Languages*. Edited by Denis Sinor. E. J. Brill, Leiden – New York – København – Köln, 1988. Pp. 172–196.
- Honti, L. *Az obi-ugor konzonzantizmus történetét*. *Studia uralo-altaica 9 Supplementum*. Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, Szeged, 1999.
- Vaysman, O. *Segmental Alternations in Metrical Theory*. PhD dissertation. Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, MA, 2008.

CAPTATIVE VERBS IN SELKUP

Among denominal verb derivation suffixes in Selkup is a suffix that derives verbs with captative meaning. The stem nouns are mostly animal names, plant names and occasionally food or beverages. The derived meaning is ‘to hunt’, ‘to gather’ [Janurik 1987; Helimski 1998].

- (1a) *Onäj* *qu:-la-w* (*kundo-qən*) *ukon*
 myself human.being-PL-1SG long-LOC earlier
qwäli-j-gu-za-ttə *i* *su.ru-j-gu-za-ttə*.
 fish-CAP-HAB-PST-3PL and wild.animal-CAP-HAB-PST-3PL
 ‘Earlier my parents used to fish and to hunt’.
 [Southern Selkup: KMS_1963_Lifestory1_nar.004]
- (1b) *Pondə-po-d* *mat* *koja-sa-k* *täbe-š-ku*.
 last-year-ADV.LOC I go-PST-1SG.S squirrel-CAP-INF
 ‘Last year I went to hunt squirrels’.
 [Northern Selkup: SG_196X_Hunting_nar.001]

The suffix can be found in all three dialectal groups of Selkup, but in different morphological forms (cf. table 1). A corpus search of the Selkup Language Corpus and the INEL Selkup corpus sheds light on the quantity of instances and forms in use. Both corpora combined count 73.919 tokens. The captative occurs 36 times altogether, with a higher number of instances for the Southern dialectal groups. It must be noted that the proportions of dialectal groups in the corpus are not balanced.

Table 1. Dialectal distribution of the captative

Dialect	Number	Morphological Form
Northern:	1	-l’-
Central:	10	-č’-/-ča-/-čɛ-/-č’e-/-s-/-š-
Southern:	25	-j-/-s-/-l’/-i-/-ju-

Each dialect employs a different form while expressing the same function. Only in Central Selkup the suffix in question has a wider use, occurring also with nouns such as ‘war’ or ‘god’. Here, the derived verbs mean ‘to quarrel’ and ‘to pray’ respectively. The majority of instances, shows captative function. Within the Samoyedic context, Selkup is no exception in employing the captative [Fancsaly 1983; Wagner-Nagy 2016].

It is, however, likewise possible to express hunting or the consumption of something with analytical constructions (cf. example 2+3).

- (2) *Warya* *hurə-m* *mat* *a* *mette-mba-k*.
 big wild.animal-ACC I NEG hunt-PST.REP-1SG.S
 ‘I did not hunt bears’.
 [Central Selkup: MNN_1977_Hunt_nar.004]
- (3) *Qwela-s-sa-t* *tuto-m* *qwet-sa-dat*.
 fish-CAP-PST-3PL.S/O crucian-ACC catch-PST-3PL.S/O
 ‘They fished, they caught crucians’.
 [Southern Selkup: KKN_1971_FiveCarpBrothers_flk.017]

These constructions consist of a verb meaning to hunt, gather or collect plus a noun forming the object of the action. Both mechanisms are simultaneously in use, even within the same sentence. The question that this paper aims to address is to identify the motivation for the different usage. It is argued that the use of either the captative suffix or the analytical construction lies within the specificity of the object affected by the verbal action.

References

- Budzisch, J., Harder, A., Wagner-Nagy, B. Selkup Language Corpus (SLC). Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkoropra. Fancsaly É. (1983). A jőné típusú igék és a PlGen. In G. Berezki & P. Domokos (Eds.), *Urálisztikai tanulmányok: Hajdú Péter 60. születésnapja tiszteletére*. Budapest: ELTE, 2019. Pp. 133–137.
- Helinski E. Selkup. In D. Abondolo (Ed.), *Routledge language family descriptions. The Uralic languages*. London: Routledge, 1998. Pp. 548–579.
- Janurik T. Das Funktionssystem der sőlkupischen Verbalsuffixe. In J. Vastag (Ed.), *Studia Uralo-Altaica: Vol. 28. Papers on Derivation in Uralic: Szegeder und Turkuer Beiträge zur uralischen Derivation*. Szeged: Univ. Szeged de Attila Jőzsef Nominata, 1987. Pp. 47–61.
- Wagner-Nagy B. Nenets. In: Müller, P.O., Ohnheiser, I., Olsen, S., & Rainer, F. (Eds.), *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft: Vol. 5. Word-Formation*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. Pp. 3197–3209.

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ЭВЕНКИЙСКИХ ТЕКСТОВ В АРХИВЕ К. М. РЫЧКОВА

Неопубликованные материалы Константина Михайловича Рычкова (1882–1923), собранные им в ссылке в Туруханском крае и хранящиеся в архиве ИВР РАН, включают эвенкийский словарь и несколько папок с записями текстов на разных диалектах («барханское наречие», «хоюнское», «лимпейское» и др.). Ниже рассматриваются материалы папки 5. Около половины папки (до л. 155) занимают параллельные тексты на эвенкийском и русском, преимущественно фольклорные.

В отличие от трёх опубликованных по-русски «Сказок...» [Рычков 1917], русский текст папки 5 представляет собой не литературную обработку, а довольно точную передачу эвенкийского оригинала, приближающуюся к пословному переводу. В переводах сохранены членение на предложения (в части текстов — двухуровневое членение), порядок слов, а также лексическое единообразие эвенкийского оригинала. В частности, обращает на себя внимание последовательная передача ряда полисемичных слов одним русским эквивалентом, по сути приближающаяся к ныне общепринятой технике глоссирования:

н'ан «опять» (ср. (В) *нѣн* снова, опять, ещё, ещё раз; (Б) *нѣн* опять, снова, ещё, тоже), тж. в функции сочинения: *Цѣвкѣл аминіи н'ан накуі міні еды!* «Съѣшь отца опять малого брата моего мужа!»; *Тадук, егиле, кугичавын тарнун Быһындор н'ан екиі* «Туть, теперь, дерутся тѣ Быһындор опять сестра»; *Хинилһеі бичѡманды н'ан цѣмумо* «Снѣгъ былъ крѣпкій опять мягкій».

хома, хомат «бѣда»: ((В) *хѡма* очень; (Б) *сѡма* сильный, значительный, отчаянный...; *сѡма, сѡмат* очень, слишком, изо всех сил...): *Хома каһакыл бичѡл хажале ватѣда, хажале пактыралчѡ* «Бѣда казаки были: всѣхъ убивали, всѣхъ стрѣляли»; *Хома еңегичі теһол бичѡм* «Бѣда сильные роды были»; *Егиле тар етырконкакун хамацѣрен кугичал* «Теперь тотъ старикъ бѣда дрался».

бівук «вѣкъ» ((В) *бивук* обычный), тж. в значении 'всё (время); (на)всегда': *Тар етыркон бівук беуһылчо – хома беуһылчѡ* «Тотъ старикъ вѣкъ дикихъ оленей промышляль – бѣда промышляль»; *Тар бажелво бівук хуручѡ* «Тѣ люди вѣкъ ушли».

Литература и сокращения

(Б) – Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1: А–П; Ч. 2: Р–Я. Новосибирск, 2000.

(В) – Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Рычков К. М. Образцы материалов по изучению тунгусского языка и фольклора // Архив востоковедов ИВР РАН, Ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5. 322 л.

Рычков К. М. Сказки сибирских инородцев. Петроград, 1917. 16 с.

МОДАЛЬНОСТЬ ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Выражение модальных значений в жестовых языках является слабо изученной областью. Некоторые показатели не-эпистемической возможности и необходимости в РЖЯ ранее лишь кратко обсуждались в статье [Бородулина 2012], базирующейся на материале, полученном путем элицитации. Созданный несколько лет назад корпус РЖЯ [Буркова 2012–2015] позволяет глубже исследовать область модальных значений в этом языке. Мой анализ опирается на подход, предложенный в [Van der Auwera, Plungian 1998], в котором возможность и необходимость рассматриваются как парадигматические варианты, характеризующие субъекта описываемой ситуации и эпистемическую оценку говорящим ситуации. В сфере модальности субъекта различаются внутренние и внешние возможность и необходимость, возникающие либо в силу внутренних свойств субъекта, либо в силу не зависящих от него внешних обстоятельств. В сфере внешней модальности дополнительно выделяются деонтические возможность и необходимость, связанные с соблюдением социальных или этических норм и ситуацией разрешения.

Жестовые языки обладают значительным сходством между собой, и РЖЯ тоже не является исключением. Его данные подтверждают гипотезу Ф. Бросса и Д. Холле, согласно которой чем выше место семантической категории в иерархии, тем более вероятно ее выражение в жестовых языках при помощи немануальных средств: мимики, движений головы или корпуса [Bross, Holle 2017]. В РЖЯ эпистемическая модальность, в отличие от модальности субъекта, выражаемой при помощи мануальных жестов, требует обязательного немануального маркирования. Мануальные жесты, такие как НАВЕРНОЕ, МОЧЬ, КАЗАТЬСЯ, БЫТЬ.ДОЛЖНЫМ и др. тоже могут использоваться, однако они служат лишь для уточнения степени эпистемической достоверности или для указания на тип информации, лежащий в основе эпистемической оценки.

С другой стороны, членение семантической зоны модальности в РЖЯ обнаруживает и некоторые особенности по сравнению с другими жестовыми языками. Например, в отличие от американского жестового языка, в котором один и тот же жест CAN может использоваться для выражения всех значений не-эпистемической возможности [Wilcox, Shaffer 2005], РЖЯ отчетливо разграничивает внутреннюю и внешнюю возможность. Внутренняя возможность выражается в нем при помощи жестов МОЧЬ₁ и НАЙТИ (в производном значении ‘смочь, преуспеть’), тогда как значения внешней возможности выражаются жестом МОЧЬ₂. Интересным явлением, не обнаруженным пока в других жестовых языках, является наличие в РЖЯ двух жестов, НЕ.МОЧЬ₁ и НЕ.МОЧЬ₂, примерно с равной частотностью используемых для отрицания и внутренней, и внешней не-деонтической возможности. Выбор между жестами обусловлен наличием/отсутствием в высказывании конативного компонента значения (‘пытаться, но не смочь’).

Литература

- Бородулина Д. А. Средства выражения возможности и необходимости в русском жестовом языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1 (116), 2012. С. 92–95.
- Буркова С. И. Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2012–2015. Режим доступа: <http://rsl.nstu.ru/>.
- Bross, F., Hole, D. Scope-taking strategies and the order of clausal categories in German Sign Language. In: Glossa: a Journal of General Linguistics 2 (1:76), 2017. Pp. 1–30.
- Wilcox S., Shaffer B. Modality in American Sign Language. In: W. Frawley (Ed.), The expression of modality. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. Pp. 207–238.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ СИТУАЦИЙ В КЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются глагольные конструкции, обозначающие неконтролируемые ситуации (НС).

НС включают два базисных компонента: предикат, называющий НС, и неагентивный семантический субъект, выраженный синтаксическим субъектом – подлежащим.

Неагентивный партиципant (НП) с точки зрения референциально-ролевой грамматики соответствует претерпевающему, а агентивный – актору, которые представлены в базисной системе падежных ролей. Претерпевающий не представляет, не обуславливает и не контролирует ситуацию; напротив, актер представляет, обуславливает, вызывает или контролирует ситуацию [Ван Валин и Фоли 1982: 384].

Выявлен основной инвентарь глаголов, называющих НС (приведено по одному примеру; дана поморфемная разбивка и подчеркнуты актантные показатели): глаголы восприятия: $\underline{ба}=\square=а=б=да$ ‘я-слышу-это’; глаголы умственной деятельности: $ын=\underline{баэ}=а=в=р'а$ ‘я-догадываюсь-об-этом’; глаголы изменения психического или физиологического состояния: $с'атиј \underline{ба}=\square=в=и=с'ам$ ‘я-начну-стыдиться’; $исас о=\square=о=т'н'$ ‘он-есть-хочет’; глаголы становления отрицательного признака: $л\squareын=\underline{ба}=\square=а=тиј$ ‘я-обовшнвею’; глаголы непроизвольного перемещения в пространстве: $\underline{бо}=\kappa=с'=и=фин$ ‘меня-несет-течением (на лодке)’; $\underline{бо}=\zeta=б=ун'$ ‘я-поскользнусь’; глаголы, называющие явления природы; $ул'=\underline{баэ}=\square=а=та$ ‘дождем-меня-мочит’; глаголы возникновения физического объекта $каң=т=ақ$ ‘дыра образуется’; глаголы обладания $дон'=\underline{бо}=\zeta=д=а=ђ=ан$ ‘нож-я-заимею’; глаголы изменения состояния, происходящего независимо от воли его носителя: $\underline{даэ}=с'ул'ај=а=қи=н=ди=т$ ‘я покраснел’; безличные глаголы, оформленные аффиксом $даэ \sim да$: $л'г \underline{даэ}=қониј=а=қ=и=в=и=т$ ‘На улице стемнеет’.

В приведенных выше глаголах НП маркируется актантными показателями группы *Б* (ряды *ба/а* и *бо/о*), что подтверждает вывод В.Г. Шабаева о том, что эти показатели характеризуются признаком ‘инактивность’ [Шабаев 2012: 48].

Показатели группы *Б* являются не единственным средством маркировки НП: немногочисленные стативные глаголы оформляются субъектными показателями ряда *ди/ду* и *д/д*: $\underline{ди}=л'оқң$ ‘я трясусь’; $\underline{д}=ақт=а=у=ан$ ‘я выздоровею’. Возможно, это обусловлено активностью и динамичностью обозначаемого состояния.

Некоторые НС маркируются показателем $даэ \sim да$ (два последних примера в перечне).

Выявлены изолированные непарадигматические глагольные словоформы класса вещей, называющие ситуации с единственным НП: $дан' и=в=бо$ ‘трава вянет’.

В конструкциях, кодирующих НС, основными маркерами НП являются актантные показатели группы *Б*. Однако утверждение, что все НП маркируются исключительно этими показателями несправедливо, так как маркерами неагентивности могут быть и некоторые другие актантные показатели.

Литература

- Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс, 1982. С. 376–410.
- Шабаев В. Субъектно-объектное спряжение кетского глагола: функциональный анализ. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 210 с.

INTERACTION OF CASE AND INDEXICALITY IN DIEN-CONSTRUCTIONS IN SAKHA

Expressions like *I, you, my, this, now, here* which depend on the context are called indexicals. Following Kaplan [1989] it is usually assumed that indexicals are interpreted relative to the current context – as speaker or hearer. Research in Slave [Rice 1986], Zazaki [Anand and Nevins 2004], Amharic [Schlenker 2003] shows that indexicals can be interpreted relative to the non-actual context – a phenomenon known as indexical shift. With respect to first and second person pronouns indexical shift means that they can be interpreted as referring to subject or object.

In Sakha (Turkic) pronouns ‘I/you’ inside finite embedded clauses under verbs of speaking and cognition (*dien*-constructions) are ambiguous between subject/object and speaker/hearer readings.

- (1) *Sardaana Tujaara-qa en baaj-gyn dien biller-de.*
Sardaana Tujaara-dat you rich-2sg C announce-past.3
‘Sardaana announced to Tujaara that you (hearer/Tujaara) are rich’.

It will be shown that this is not direct speech based on the facts concerning NPI and relativization. The proposed analysis is in lines with Baker [2008] such that verbs of speaking and cognition can take either a CP (Complementizer Phrase) or a SAP-EvalP-CP (Speaker-Addressee Phrase). Finally, it will be shown that when the shifted indexical is raised into the matrix clause and acquires accusative case, the shifted meaning disappears as it becomes the argument of the higher matrix verb.

References

- Anand, P. & Nevins, A. Shifty Operators in Changing Contexts. In: Proceedings of SALT XIV. Ithaca: CLC Publications, 2004. Pp. 20-37.
Baker, M. The Syntax of Agreement and Concord. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
Kaplan, D. Demonstratives. In: Themes from Kaplan. / Ed.: J. Almog, H. Wettstein and J. Perry. New York: Oxford University Press, 1989. Pp. 481-563.
Rice, K. Some remarks on direct and indirect speech in Slave. In: Direct and Indirect Speech / Ed.: F. Coulmas. Mouton de Gruyter, 1986. Pp. 47-76
Schlenker, P. A Plea for Monsters. In: Linguistics and Philosophy. № 26, 2003. Pp. 29–120.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ВТОРОГО ДЕСЯТКА В ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Как известно, в языках с десятиричной системой счисления числительные первого десятка чаще всего непроизводны; числительные второго и следующих десятков, напротив, устроены прозрачным образом, обычно по аддитивной модели «числительное для десятка + числительное для единиц», как в русском языке *двадцать один, двадцать два* и пр.

Числительные второго десятка занимают промежуточное положение и в силу этого типологически более разнообразны. Они могут также иметь простую аддитивную структуру, как, например, в турецком *onbir* '11', *oniki* '12' и т. д. В других языках они могут быть устроены более сложным образом, ср. в некоторых диалектах ненецкого *юкад вата ноб* '10-авл лишний 1 = 11', *юкад вата тет* '10-авл лишний 4 = 14'. В дальнейшем сложные числительные могут стягиваться и частично терять внутреннюю форму, как русские *одиннадцать, двенадцать* и т. д. В некоторых случаях, например во французских числительных от 11 до 16, связь с производящими основами увидеть уже очень сложно.

В Сибири простая модель образования числительных второго десятка ассоциируется с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками, а сложные модели – с уральскими и палеоазиатскими. Однако картина намного сложнее. Даже очень близкие идиомы могут образовывать эти числительные по-разному. Так, например, разные модели представлены в диалектах эвенкийского языка. Нганасанский, тундровый энецкий и таймырский диалект ненецкого (самодийские) имеют простую модель, лесной энецкий и другие диалекты ненецкого – различные сложные.

Очевидно, смену модели следует приписывать контактам с другими языками. Таким образом, распределение моделей числительных второго десятка может указать как на сам факт контактов, в том числе древних, так и на то, какие языки могли доминировать в том или ином регионе.

При этом числительные второго десятка оказываются удачным объектом для изучения контактных влияний, поскольку благодаря прозрачности конструкций они легко поддаются калькированию и, следовательно, легко проникают в другие идиомы. Их разнообразие в том числе в близких диалектах дает дополнительный материал для сравнения. При этом русские числительные, удачным образом, морфологически непрозрачны, поэтому при исследовании можно исключить фактор недавнего русского влияния.

В докладе будет представлено распределение моделей образования числительных второго десятка в идиомах Сибири и Дальнего Востока.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)

История русско-мансийского языкового и этнокультурного взаимодействия, начавшись с русским освоением Сибири, насчитывает не одно столетие. Это взаимодействие ярко проявляется в лексике мансийского языка, в который в течение веков проникали слова русского происхождения. В 1961 г. венгерский ученый Бела Кальман опубликовал обширный труд «Die Russischen Lehnwörter im Wogulischen». Кальман рассмотрел около 700 заимствованных русских слов, которые были зафиксированы зарубежными и отечественными исследователями в мансийском языке с XVIII в. по 50-е гг. XX в.

В 1968–1971 гг. Топонимическая экспедиция (ТЭ) Уральского университета, в работе которой принимал участие и автор, собирала топонимию и лексику у верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси-оленевонов, кочевавших по горным плато Северного Урала на участке между верховьями рек Ивдель и Печора. Лексические материалы, собранные экспедицией, содержат около 150 русских заимствований, зафиксированных в речи манси на родном языке.

Сопоставление полевых материалов ТЭ с данными работы Б. Кальмана, «Русско-мансийского словаря» Е. И. Ромбандеевой [1954; переиздание 2005], мансийских словарей Б. Мункачи – Б. Кальмана [1983] и А. Каннисто [2013] позволяет сделать следующие выводы:

1. Более половины русских заимствований, зафиксированных у верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси, уже описаны в литературе, среди них выделяются заимствования старые (до XX в.) и новые (XX в.). Некоторые из известных заимствований ранее не были отмечены в этих мансийских диалектах. Ряд новых лексем приведен в словаре Е.И. Ромбандеевой в неадаптированной форме (*бензин*, *плащ*) или с мансийским эквивалентом (*поезд*, *наиштуйт*). Также выявлены новые заимствования, отсутствующие в более ранних источниках.

2. Лексемы, зафиксированные ТЭ, отражают процессы освоения русских заимствований в мансийском языке:

– фонетическое освоение (*пеньсин* ‘бензин’, *пояс* ‘поезд’, *ерпалёт* ‘вертолёт’, *карань* ‘грань (просека)’, *палась* ‘плащ’, *парсен*, *парсет* ‘брезент’, *исвātка* – диал. ‘схватка (булавка)’, *окуртса* ‘огурец’, *копье* ‘кофе’);

– морфологическое освоение (*винтантукве* ‘завинчивать’ – глагол от сущ. *винта* ‘винт’);

– семантическое освоение (*тэляки* 1) ‘телега’, 2) ‘колесо’);

– активное использование усвоенных русских заимствований в словообразовании при создании новых номинативных единиц мансийского языка (*вит посталпальта* ‘плащ’, букв. ‘пальто без следа воды’; *сйй пāйтэн мāсьн* ‘электроплитка’, букв. ‘чай кипящая машина’).

3. С точки зрения семантики большинство вновь выявленных заимствований – лексика, связанная с бытом и хозяйственной деятельностью манси и обозначающая реалии современной жизни, с которыми манси познакомились в XX веке.

Дыбо Анна Владимировна
Институт языкознания РАН, Москва

РАБОТА НАД ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ АТЛАСОМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ Z-ГРУППЫ

В докладе изложены основные результаты полевой и аналитической работы группы исследователей над созданием электронного атласа тюркских диалектов Южной Сибири, принадлежащих к z-группе (`{azaq}`). Предлагаются выводы о генеалогической классификации этих идиомов и контактных процессах между ними, образующих доступный наблюдению лингвогеографический ландшафт.

Иванов Владимир Андреевич

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва,
Московский государственный областной университет, Московская область

ОСОБЕННОСТИ РЕДУПЛИЦИРОВАННЫХ ИДЕОФОНОВ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ: МЕЖДУ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ И ПАРНЫМИ СЛОВАМИ

Работа поддержана грантом РФФИ №19-012-00627

Типологически распространенной чертой идеофонов является редупликация: в языках, богатых идеофонами, более половины их могут оказаться редуплицированными [Рожанский 2011]. Редупликация в финно-угорских языках исследовалась в работах В.И. Алатырева, К.Е. Майтинской, И. Батори, Ф.И. Рожанского и нек. др.; в числе прочего рассматривались редуплицированные идеофоны. В финно-угорских (особенно волжских и пермских) языках редупликация идеофонов широко распространена.

Общепринятое определение редупликации отсутствует; мы опираемся на схему Ф.И. Рожанского [2011]: она основана на признаках, описывающих явления, связанные с повторами. В частности, различаются точная и неточная редупликация (ср. удм. *тачыр-тачыр* и *тычыр-тачыр* – подражание треску). Особенностью идеофонов с неточной редупликацией является то, что обе части могут употребляться самостоятельно; таким образом, идеофоны сближаются с т.н. парными словами (co-compounds [Wälchli 2005]).

Парные слова – это просодически целостные сочетания двух самостоятельных слов, между которыми отсутствует подчинительная связь: удм. *анай-атай* ‘родители’ (‘мать-отец’), г.мар. *кид-ял* ‘конечности’ (‘рука-нога’), хант. *њул-сем* ‘лицо’ (‘нос-глаз’).

Часто в парные сочетания объединяются слова, близкие по значению: мокш. *кит-ятт* ‘пути’ (‘дороги-тропы’), удм. *октыны-калтыны* ‘собирать’ (‘собирать-убирать’). К этому типу близки идеофоны с неточной редупликацией: удм. *дымбыр*, *дамбыр* передают близкие звуки (сильный грохот), и тогда *дымбыр-дамбыр* (неоднородные звуки грохота) может анализироваться как парное слово, составленное из близких по значению идеофонов. (Бесспорные парные слова, составленные из разных основ, среди идеофонов также встречаются: удм. *дымбыр-шалтыр* (громкие удары) <*дымбыр* (грохот), *шалтыр* (стук), *йыг-дым* (стук) <*йыг* (стук), *дым* (громкий стук); эти слова не имеют отношения к редупликации.)

Иногда, наоборот, парные слова «мимикрируют» под редупликацию. Наиболее сложны для интерпретации случаи одновременной мены гласного и согласного; они сравнительно редки и сложно отличимы от парных конструкций. Так, удм. *чукыр-бекыр* ‘кривой, извилистый’ имеет явные признаки идеофона: исход *-ыр*, семантика неправильного положения, возможно, неточная редупликация: исход-*к-ыр* повторяется, а различия в анлауте (*чу-/бе-*) можно интерпретировать как мену гласного и согласного. Анализ материала показывает, что слова с корнями *чук(ыр)-*, *бек(ыр)-* употребляются самостоятельно. Имеем мы дело с парным словом или редуплицированным идеофоном?

Смешение парных слов и неточной редупликации часто связано с наивным пониманием соответствующих явлений [Рожанский 2011]. В то же время эти явления выделяются на разных основаниях, но при этом имеют между собой нечто общее (как минимум, двукомпонентную структуру), поэтому у них имеются зоны пересечения (по меньшей мере на поверхностном уровне). В докладе на обширном материале (полевые записи, примеры из текстов, фольклора) предполагается проанализировать особенности идеофонов, относящихся к данной «пограничной» зоне.

Список сокращений

г.мар. – горномарийский, мокш. – мокшанский, удм. – удмуртский, хант. – ханты.

Литература

Рожанский Ф. И. Редупликация: Опыт типологического исследования. М., 2011.
Wälchli, B. Co-compounds and Natural Coordination. New York, 2005.

Иконникова Ольга Николаевна

Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки
работников образования, г. Ростов-на-Дону

Калинин Степан Сергеевич

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АФФИКСЫ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ: АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В данном исследовании рассматриваются ареально-типологические особенности языковых групп, в которых встречаются лексические аффиксы. Лексические аффиксы, по Э. Далю, определяются как «морфемы, которые похожи на грамматические аффиксы тем, что они могут быть неслоговыми, всегда должны быть прикреплены к какому-то корню (а сами как корни функционировать не могут) и образуют относительно закрытые классы, однако передают конкретные значения, которые в большинстве языков мира были бы связаны с лексическими единицами или основами» [Даль 2009: 376]. Лексические аффиксы имеются в языковых группах и семьях шести основных ареалов. Первым ареалом является Субарктика, где лексические аффиксы представлены в эскимосско-алеутских и чукотско-камчатских (за исключением ительменского) языках. Вторым ареалом является тихоокеанский языковой союз (Северная Америка), где лексические аффиксы представлены в вакашских, салишских и цимшианских языках. Третий ареал – это северные территории Австралии, где из языков с лексическими аффиксами представлен язык-изолят тиви, распространенный на островах Мелвилл и Батерст. Четвертый ареал – это языки амазонского ареала, в частности, некоторые аравакские и паноанские языки. В качестве пятого ареала можно выделить мезоамериканский языковой союз, где лексические аффиксы представлены в языке-изоляте тараско. Шестой ареал – это центрально-южные районы Чили и Аргентины, где распространен язык-изолят мапудунгун, лексические аффиксы в котором занимают ограниченную нишу для обозначения соматизмов.

Предполагается происхождение лексических аффиксов от «осколков» глагольных основ, что, в частности, релевантно для цимшианских и салишских языков. Несколько иной паттерн демонстрируют эскимосские языки и тиви, в глагольной и именной морфологии соответственно. Так, в тиви есть связанные именные основы, употребляемые в составе инкорпоративных глагольных комплексов в функции прямого объекта, наряду с параллельным существованием свободных именных основ с аналогичной семантикой. В эскимосских языках есть т.н. «корневые глаголы», которые употребляются только в составе сложных глагольных словоформ как связанные морфемы, наряду с параллельным существованием свободных глагольных корней идентичной семантики, вопрос о происхождении первых остается пока нерешенным. Возможно, свободные и связанные именные основы в тиви следует рассматривать как этимологические и семантические дублиеты, употребление которых в течение развития языка специализировалось: одни более частотно употреблялись самостоятельно, а другие – в виде инкорпорированных корней, в результате чего последние перешли в класс связанных корней.

В итоге, разносистемные языки демонстрируют диахроническую модель происхождения лексических аффиксов: номинализованные предикаты → инкорпорация / словосложение → лексический аффикс.

Литература

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. Пер. с англ. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 560 с.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КЕТСКОМ ГЛАГОЛЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ТЕОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ

Этот доклад обсуждает полифункциональность в глагольной морфологии кетского языка и его последствия для теории морфологической сложности. Под термином «полифункциональность» [Stump 2015] понимаются феномен, когда один и тот же показатель может выполнять разные функции в разных словах.

Глагольная морфология кетского языка выделяется избытком в ней полифункциональных показателей. В кетском языке глаголы разных словоизменительных классов маркируют подлежащее и дополнение при помощи разных комбинации разных личных показателей [Vajda 2015; Nefedov & Vajda 2015]. Показатель, который в глаголах одного класса маркирует подлежащее один, в глаголе другого класса может маркировать подлежащее повторно вместе с другим показателем, или дополнение. Например, показатель *ba* маркирует подлежащее один в форме *avəriŋ-ba-ŋ-a-ra* проводить.день-1.S-STEM-N.PST-STEM ‘я провожу день’, маркирует подлежащее вместе с *d* в форме *d-aya-ba-t-s-aq* 1.SBJ-сбегать.в.лес-1.S-STEM-N.PST-STEM ‘я сбегая в лес’ [Kotorova & Nefedov 2015: 438], а маркирует дополнение в форме *k-ətiŋ-ba-ŋ-o-v-l-a* 2.SBJ-покрыть-1.S-STEM-PST-STEM-PST-STEM ‘ты меня накрыл(а)’ [Вайда & Зинн 2004: 135].

Плюс к этому, некоторые личные показатели могут также выполнять совершенно разные функции, маркируя время или являясь частью прерывной основой [Крейнович 1968; Nefedov 2015]. Например, показатель *o* может маркировать либо актанта третьего лица муж. р. в прошедшем времени, как в форме *d-o-l-s*, 1.SBJ-3.M.PST-PST-одеть ‘я-его-одел’ [Вайда & Зинн 2004: 189], либо только прошедшее время, как в форме *t=t-o-l-ŋa*, 1.SBJ-ходить-PST-STEM ‘я-ходил(а)’ [Вайда & Зинн 2004: 165].

Полифункциональность в кетском языке представляет собой пример морфологической сложности, или точнее сложности выражения [Anderson 2015] – непрямого отношения между грамматическими функциями и формальными единицами, которые их выражают.

В работах по морфологической сложности [Ackerman et al. 2009; Ackerman & Malouf 2015] выдвигается гипотеза, что важную роль в языках с высокой степенью морфологической сложности играют системы имплицативных отношений между словоформами, хотя их точная роль зависит от языка [Sims & Parker 2016].

В докладе выдвигается гипотеза, что в кетском языке, с его высоким уровнем сложности выражения, важную роль играют имплицативные отношения не только между словоформами, но и между показателями внутри одной словоформы. Например, в вышеупомянутой форме *k-ətiŋ-ba-ŋ-o-v-l-a*, показатель *k* всегда маркирует подлежащее. Так как *ba* выражает другое лицо, он должен маркировать дополнение и не повторное выражение подлежащего. Соответственно, *o* в данной форме может выражать только время.

Литература

- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. 1968.
Вайда Э., Зинн М. А. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта. 2004.
Ackerman, F., Blevins, J. P., Malouf, R. Parts and Wholes: Patterns of Relatedness in Complex Morphological Systems and Why They Matter. In: Analogy in Grammar: Form and Acquisition, 2009. 54:82.

- Ackerman, F., Malouf, R. The No Blur Principle Effects as an Emergent Property of Language Systems. In: Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society, vol. 41, 2015.
- Anderson, S. R. Dimensions of Morphological Complexity. In: Understanding and Measuring Morphological Complexity, 2015. Pp. 11–26.
- Kotorova, E., Nefedov, A. Comprehensive Ket Dictionary. München: Lincom Europa, 2015.
- Nefedov, A. Clause Linkage in Ket. LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2015.
- Nefedov, A., Vajda, E. Grammatical Sketch of Ket. In: Comprehensive Dictionary of Ket. 2015. Pp. 27–68.
- Sims, A. D., Parker, J. How Inflection Class Systems Work: On the Informativity of Implicative Structure. In: Word Structure. 9(2), 2016. Pp. 215–239.
- Stump, G. Inflectional Paradigms: Content and Form at the Syntax-Morphology Interface. Cambridge University Press, 2015
- Vajda, E. J. Valency Properties of the Ket Verb Clause. In: Valency Classes in the World's Languages. Berlin and NewYork: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 630–668.

ЯЗЫКИ МАЙЯ НИЗМЕННОСТИ: ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Базовой культурной оппозицией области майя является противопоставление майя горных и майя низменности. К майя низменности относятся народы, говорящие на языках юкатекской, чоланской и цельталанской подгрупп. При этом если чоланская и цельталанская подгруппы имеют, как представляется, общего предка, то юкатекская объединяется с ними только на уровне протомайя. При этом помимо родства эти группы находились между собой в ситуации очень значительного контакта, который был такой силы, что число общих слов между юкатекскими и чоланскими языками превосходит число общих слов между цельталанскими и чоланскими, причем речь идет не только о культурной лексике, некоторые подобные изоглоссы есть и в лексике базисной. Из-за большой фонетической консервативности языков майя затруднительно определить, чем является ли то или иное юкатекско-чоланское, но не цельталанское слово – архаизмом, утраченным в цельталанских или же заимствованием в ту или иную сторону. В докладе будет представлен анализ схождений между этими тремя группами языков, показано распределение лексем по степени базисности и тематическим категориям.

ЕЩЁ РАЗ О СРЕДНЕЧУЛЫМСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Среднечулымский диалект чулымско-тюркского языка распространен в среднем течении р. Чулым на территории Томской области и Красноярского края. В настоящее время нами установлено не более 10 носителей языка, активно использующих его в повседневном общении.

В диахронической перспективе чулымско-тюркский язык представляет собой совокупность диалектов (нижнего и среднего) и говоров. Нижнечулымский диалект исчез в 2011 г.

Фонетическая система чулымско-тюркских диалектов вполне отражает общетюркские закономерности: нижнечулымский язык относился к языкам Y-группы, а среднечулымский – Z-группы [Lemskaya 2016: 98]. При этом каждый говор отражает свой набор общетюркских рядов звукового чередования [Бирюкович 1975].

Ранее отмечены случаи определенных фонологических вариаций в среднечулымских говорах [Lemskaya 2017]. В докладе будут представлены данные, уточненные в ходе полевой работы и даны систематизация и объяснения некоторым явлениям морфонологических вариаций [ср. Кондияков, Лемская 2021а: 23; Кондияков, Лемская 2021б: 8].

Литература

- Бирюкович Р. М. Палатализация согласных, в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка Текст. / Р. М. Бирюкович // Языки и топонимия Сибири. Вып. VII. Томск: Издательство Томского университета, 1975.-С. 18-21.
- Кондияков А.Ф., Лемская В.М. Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края. 2007–2021 гг.: монография. Т. I: словарь, формы слов и грамматические примеры. томск: изд-во том. ун-та, 2021а. 204 с.
- Кондияков А.Ф., Лемская В.М. Чулымско-тюркский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края. 2007–2021 гг.: монография. Т. II: Тексты с переводом и анализом. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021б. 246 с.
- Lemskaya, V. Chulyum Turkic People and their Dialects. In: *Endangered Turkic Languages II A: Case Studies, Volume 2*. Ed. by S. Eker & Ü. Ç. Şavk. International Turkic Academy. Hodja Akhmet Yassawi International Turkish-Kazakh University. Ankara - Astana, 2016. Pp. 93-115.
- Lemskaya, V. Some Cases of Morphosyntactic / Morphophonological Variation in Chulyum Turkic // Сборник материалов VII Международного тюркологического конгресса «Тюркские языки под угрозой исчезновения». Туркестан, 2017. 208 с. С. 115-11.

НЕМЕЦКИЕ ОСТРОВНЫЕ ДИАЛЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (ПО ДАННЫМ ПОСЛЕДНИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ)

Цель доклада – представить данные, полученные в результате лингвистических экспедиций последних лет в места компактного проживания российских немцев, носителей немецких диалектов (населенные пункты Немецкого национального района на Алтае, некоторые населенные пункты Томской и Новосибирской областей). Количество говорящих на той или иной диалектной форме различно. Выступая языком повседневного общения, диалект бытует в исключительно устной форме.

Диалекты немецкого на территории Сибири можно отнести к двум большим группам – верхненемецкие и нижненемецкие. Верхненемецкие диалекты носят реликтовый характер, некоторые из них сохраняют черты исходных материнских форм, другие являются образованиями смешанными и вторичными: процесс их смешения, как известно, шел уже в колониях юга России [Жирмунский 1976]. В ходе экспедиций были сделаны записи на диалектах верхненемецкого типа (средне- и южнонемецких), обнаруживающих черты верхнегессенского (*das Oberhessische*), восточносреднемецкого (*das Ostmitteldeutsche*), швабского (*das Schwäbische*). Некоторые из зафиксированных форм с трудом поддаются точной идентификации.

Особый статус имеет нижненемецкий диалект немцев-меннонитов (самоназвание плотдич, *Plautdietsch*), оформление которого шло за пределами Германии. В настоящее время носители этого языка проживают по всему миру (Канада, страны Южной Америки, Германия), но при этом понимают друг друга. В своем звуковом строе плотдич сохраняет фонологические черты, свойственные фризским и нижненемецким диалектам [Kanakin, Wall 1994, Nieuweboer 1998, Siemens 2012]. В Сибири диалект меннонитов приобрел новые черты в своем звуковом строе, и это может стать объектом новых фонологических и фонетических исследований.

Литература

- Жирмунский В. М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. Л., 1976. С. 491–516.
- Kanakin, I., Wall, M. *Das Plautdietsch in Westsibirien*. Groningen, 1994. 58 S.
- Nieuweboer, R. *The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German)*. Rijksuniversiteit Groningen, 1998. 380 p.
- Siemens, H. *Plautdietsch*. Tweeverlag. Bonn. 2012. 268 p.

Мырина Дина Федоровна
Томский государственный педагогический университет, г. Томск
Шитц Ольга Александровна
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Доклад посвящён семейной языковой политике на примере мордвы Калининградской области. Материалом для доклада послужили полевые записи (анкеты и интервью), собранные в ходе экспедиций авторов в период с 2016 по 2018 года. Наш интерес к этому сообществу связан с тем, что мордва Калининградской области (эрзя и мокша), компактно проживающая в изоляции от основной этнической группы более 70 лет, не имеет прочных связей со своей исторической родиной. В такой ситуации, именно семья играет главную роль в деле сохранения родного языка. В условиях, когда русский язык широко представлен во всех социально значимых сферах, а также отсутствия дошкольного и школьного образования на родном языке, мордовские семьи выбирали две стратегии поведения в вопросах сохранения родного языка у детей, привезённых в дошкольном возрасте или рождённых в Калининградской области. Одни семьи сознательно стремились сохранить и передать свой родной язык, в то время как другие не ставили перед собой такой задачи, считая этот вопрос второстепенным, не имеющим первостепенной важности. К причинам, которые обусловили быструю потерю интереса к родному языку в таких семьях, мы относим, и боязнь детей быть осмеянными окружающими за то, что они говорили не на русском языке. В тех семьях, которые выбрали стратегию интеграции, речевой репертуар в большой степени относился к бытовым ситуациям, в связи с чем, младшее поколение усваивало в основном разговорный вариант, который был необходим для повседневного общения. В то же время в семьях рассказывали и читали сказки, пели песни на родном языке, знакомили с обычаями, что способствовало сохранению языка, культуры, традиций, поведенческих норм. Некоторые семьи смогли обучить своих детей письму на родном языке благодаря такой традиции, как письма и поздравительные открытки родным и друзьям, которые дети писали под диктовку взрослых. Сравнивая степень языкового сдвига, неизбежно происходящего в таком случае, мы констатируем, что в семьях ассимилянтского типа поведения дети полностью утратили родной язык, в то время, как второе и третье поколение семей антисимилянского типа поведения сохранили родной язык, но с разной степенью качества. Кроме того, в современных условиях доступности средств для самостоятельного обучения (печатные, электронные, аудиовизуальные и т.д.), именно среди семей, которые пошли по пути интеграции, наблюдается большой интерес к изучению родного языка.

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА И ТЕХНИКА НА ВАСЮГАНЕ В КОНЦЕ XX В.

В своем исследовании я пытаюсь ответить на вопрос, какую роль играет добыча нефти и газа в жизни хантов, проживающих в различных административных районах Западной Сибири. Согласно международным антропологическим исследованиям, добыча сырья в свете «ресурсного проклятия» прежде всего провоцирует конфликты, создавая «сырьевое господство». Утверждение Флориана Штаммлера о неприменимости понятия конфликта для описания ситуации в Западной Сибири (ХМАО, ЯНАО), по моему мнению, несправедливо, поскольку, с одной стороны, имели место серьезные публичные столкновения, с другой стороны, часть хантов и в настоящее время однозначно применяет обычные, в понимании Скотта, стратегии сопротивления. Однако описанный мною пример показывает, что для хантов, проживающих на территории Томской области, присутствие нефтяников не стало причиной конфликтов. Отчасти это связано с тем, что добыча нефти фигурирует в местных дискурсах в первую очередь как возможность, залог выживания, а отчасти потому, что в результате сталинских переселений нефтяники встретились уже с «надломленным поколением» хантов, в жизнь которого добыча нефти не принесла коренных изменений, а лишь явилась еще одним проявлением присутствия общества большинства в гегемонистском положении. Иными словами, отношения большинства и меньшинства в Томской области не являются «конфликтом, основанном на сырье», несмотря на то что в жизни региона однозначно господствует добыча нефти.

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНТОВ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ 1870–1930 ГГ.

Лексика хантыйского происхождения в русских письменных источниках 1870–1930 гг. – ценный материал в свете лексикологии, истории и этнографии народа ханты. Неоднородность хантыйских слов по степени их освоения русским языком определяет их классификацию на 3 группы: заимствования (77), окказиональные заимствования (34) и слова-вкрапления (390).

Основу составляет лексика традиционной культуры. Лексико-семантические группы заимствований:

1. Бытовая лексика (36, из них 10 окказиональных): 1) пища; 2) одежда, обувь, украшения; 3) предметы домашнего обихода; 4) инструменты.

2. Промысловые термины (24, из них 6 окказиональных): 1) рыболовные орудия; ловушки на зверей, птиц; 2) приспособления для рыбалки и охоты; 3) средства передвижения.

3. Названия, связанные с религией (15, из них 11 окказиональных).

Статистика по семантическим группам слов-вкраплений – в докладе.

Среди 48 заимствований 10 единиц бытовой лексики и 9 промысловой зафиксированы в словарях русского языка 80–90-х гг. XIX в.

Особенности освоения хантыйской лексики традиционной культуры:

1. Заимствования графически передаются как одно слово. Например: рус. КОЛЫДАНЬ – ср. хант. Кам., Ni., Š. *xuttə-pun*, Kaz. *χoʎti-poŋ*, O. *xol'ti-pon* 'калдан, мешковидная плавучая сеть с переметом...' [Steinitz 1966–1991: 482]. В словах-вкраплениях членение на 2–3 компонента на письме может быть правильным или неверным.

2. Варианты фиксаций слов-вкраплений отражают как субъективные записи русских авторов, так и объективное вариативное произношение в различных диалектах хантыйского языка. Заимствования осваиваются фонетически комплексно. Некоторые имеют варианты: КАЛЫДАНЬ, КАЛИДАНЬ [САН].

3. У заимствований оформляется род, падежи, спряжение. КОЛДАНЯТ – наст. вр., 3 л., мн.ч. КОЛЫНДА – ж.р. [Латкин 1884: 135].

4. Заимствования в прямых значениях, связанных с трудовой деятельностью людей.

5. У распространенных заимствований есть дериваты: КОЛДАНКА.

6. Передача семантики слов-вкраплений сводится к нескольким типам: 1) компоненты сложных слов сохранены, компонент заменен родовым понятием или убран; 2) перевод с описанием предметов; 3) объяснение внутренней формы слова есть или отсутствует.

7. Русские источники дополняют данными словарь В. Штейница.

Литература и сокращения

Латкин Н. Карское море // Живописная Россия. – М., 1884. Т. 11: Западная Сибирь. Очерк VII. – С. 118–138.

САН – Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. 4. Вып. 6. – СПб., 1912. – С. 1630.

Steinitz, W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. – Berlin. 1966–1991. – L. 1–13.

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКЦИИ «ПРЯМОЙ ОБЪЕКТ + ИМЯ ДЕЯТЕЛЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В эвенкийском языке XX века, устном [Лебедева 1952] и литературном [Василевич 1940: 135-136], есть именная конструкция, состоящая из несобытийного отглагольного имени с прямым объектом (как зависимым отглагольного имени).

- (1) ...[*NP [VP səktə-kə-r-wə koŋi] -mnə-wə-tin*]
ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-PS.3PL
i [*NP [VP tsəktə-lə-d'ək] -wə-tin*] *lalbuka-l-wa*.
и подстилка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL мох-PL-ACC
(Мы все увидели, что) ‘ельник обгрызен [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и [увидели] место, где она собирала для подстилки мох’ [Лебедева 1952, архив].

Такие конструкции типологически редки: ср. язык кечуа [Leferbe, Muysken 1988] или якутский язык [Baker, Vinogradova 2009]. В последней работе подобная номинализация анализируется как фразовая аффиксация: (i) [[N_{ACC} + V_{BASE}] + NMLZ]. В современных устных и письменных текстах употребление подобных конструкций сильно ограничено. В обоих типах текста есть сочетания с прямым дополнением ‘олень/олени’ (*oron-mo / oro-r-wo, -l/-r* –показатель PL; *-mV/-wV* –показатель ACC), ср. (2). В устных текстах также встречаются примеры номинализаций с аккузативным объектом, обозначающих функцию или постоянное занятие), ср. (3).

- (2) ...*ər girkilə-wun [oro-r-wo*
этот дружить-NMLZ.RES олень-PL-ACC
irgi-č'i-mñi-l-du *ajat bələ-dərə-n.*
воспитывать-DUR-NMLZ.AG-PL-DAT хорошо помогать-PRS-3SG
(Работа с помощью друзей идет хорошо –) ‘эта дружба сильно помогла оленеводам’.

- (3)а. [*doyinŋəkta-l-wə həlgī-wun*].
гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.INSTR
‘Грибосушилка’.

- (3)б. [*təti-γə-l-wə bñ-mñi*].
одевать-NMLZ-PL-ACC давать-NMLZ.AG
(В Туре) ‘я раздавала одежду’ [кастелянша].

В работах [Jackendoff 1997; Mugdan 2015: 282-283] такие сочетания считаются фразеологическими единицами (phraseological units), а в работе [Booij 2019] – квази-инкорпорацией (ср. англ. *piano player*). В докладе предлагается гипотеза о частичной лексикализации модели [N_{ACC} + V_{BASE} + NMLZ] исходя из критериев, предложенных в работе [Brinton, Traugot 2005: 96-97] и о структурном соответствии этой модели одной из моделей словосложения **tatpuruṣa** (модификатор + отглагольное имя). Обсуждается возможность изменения схемы деривации подобного сочетания: (i) (ii) [N_{ACC} + [V_{BASE} + NMLZ]] (по работе [Booij 2019]). Работа поднимает вопрос о разграничении уровней синтаксиса, морфологии, лексики.

Литература

- Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940.
- Booij, G. Compounds and multi-words expressions in Dutch. In: Complex lexical units: compounds and multi-word expressions / Ed. by B. Schlücker. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 95-126.
- Brinton, L., Traugott, E. Lexicalization and language change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

АДДИТИВНАЯ ЧАСТИЦА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ

Доклад будет посвящен употреблению частицы =DA в чувашском, башкирском и татарском языках. Использование аддитивной частицы в малокарачкинском говоре чувашского языка рассматривается в собранных текстах и примерах, полученных методом эlicitации, в ходе экспедиции в с. М. Карачкино в 2017–2019 годах. Данные башкирского и татарского языков основаны на употреблении этой частицы в текстах устного башкирского корпуса [https://linghub.ru/oral_bashkir_corpus] и в текстах мишарского диалекта татарского языка из [Татевосов и др. 2017].

При исследовании употребления этой частицы мы опирались на функции аддитивных частиц, описанные на основе типологических данных и представленные в виде семантической карты в [Forker 2016]. К ним относятся аддитивность в качестве центрального значения (пример 1), а также скалярная аддитивность, формирование уступительных клауз, формирование неопределенных местоимений, сочинение составляющих, контрастивный топик (2), союзное наречие. Последние две функции отсутствуют у чувашской частицы.

- (1) чувашский
Maşa=da gil-ze.
 Маша=ADD прийти-CV-SIM
 ‘Маша тоже пришла’.
- (2) башкирский
Kül-e-n=dä Šülgän mämerjä-he kül-e tej-där.
 озеро-Р.3-ACC=ADD Шульган пещера-Р.3 озеро-Р.3 сказать-PL
 ‘{Эту пещеру называют пещера Шульган-Таш,} а это озеро называют пещер... озеро Шульган’.

Помимо этого, нами были выделены и другие функции, не попавшие на семантическую карту [Forker 2016]. К ним относятся образование числительных со значением полного охвата (3), регулярное употребление частицы с универсальными кванторами (4), значение ‘именно, действительно’ при употреблении с глагольными формами, указание на причинно-следственную связь (5).

- (3) чувашский
Ik ate-i=de gil-ze.
 два ребенок-Р.3=ADD прийти-CV_SIM
 ‘Оба ребенка пришли’.
- (4) башкирский
Qəð-dar bötä-he=lü yailä-le.
 девочка-PL все-Р.3=ADD семья-ADJ
 ‘Дочери все семейные.’
- (5) чувашский
 {Почему ты не можешь уснуть?}

Jep *ëş-se=de*.
Я пить-CV_SIM=ADD
‘Потому что я выпила!’

В докладе будет подробно рассмотрена каждая из функций и с помощью сопоставительного анализа данных трех рассматриваемых языков будет представлено их распределение (какие из функций более частотны, чем другие) и предложено их расположение на семантической карте аддитивных частиц.

Список сокращений

3 – 3 лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; ADJ – адъективизатор; CV – деепричастие; IPFV – имперфектив; P – притяжательность; PL – множественное число; SIM – одновременность.

Литература

Татовосов С. Г., Пазельская А. Г., Сулейманов Д. Ш. (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: «Буки Веди», 2017.
Forker, D. 2016. Toward a Typology for Additive Markers. *Lingua*. Volume 180: pp. 69-100.

МОДЕЛИ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Ядро подсистемы ЭПП с именными сказуемыми в тувинском языке составляют следующие группы моделей: бытийные, передающие значения бытия (наличие, количество, отсутствие), локальные (местонахождение), характеризующие, обозначающие различные признаки объекта, в частности вписывающие объект в более широкое родовое понятие и модели отношения (реляционные, компаративные), модели обладания.

2. Бытийные модели представляют модель наличия с предикатом $\text{бар } (N_{\text{Loc}} N_{\text{Nom}} \text{бар}_{(\text{cop})})$, модель отсутствия $(N_{\text{Loc}} N_{\text{Nom}} \text{чок}_{(\text{cop})})$, с другой стороны – модель $(N_{\text{Loc}} N_{\text{Nom}} \text{хөй/эвээш}_{(\text{cop})})$, выражающая количество объектов. Структурное единство этих моделей и родственность их семантики позволяет рассматривать их как реализацию одной гипермодели: $\{N_{\text{Loc}} N_{\text{Nom}} \text{бар/чок/хөй}_{(\text{cop})}\}$. Этой гипермодели противостоит локальная модель со значением местонахождения $(N_{\text{Nom}} N_{\text{Loc}(\text{cop})})$.

3. Бытийным моделям противостоят внешне сходные, но содержательно существенно отличные от них модели, локальные. В них сообщается не о том, где находится нечто, а о том, кто или что находится в данном месте, – помещении или пространстве, материальном или идеальном. Бытийные предложения в подавляющем большинстве случаев строятся с предикатом *бар*, тогда как в локальных моделях исключает предикат *бар*. Принципиальное отсутствие позиции предиката *бар* здесь не менее значимо, чем порядок компонентов. Локальные предложения состоят из двух обязательных компонентов: субъект (предмет) и локализатор. В качестве субъекта или предмета выступает определенный объект.

4. В подсистеме характеризующих моделей центральной является модель вписывания в класс $(N_{\text{Nom}} N_{\text{Nom}(\text{cop})})$. Ей системно противостоит модель, выражающая конкретный признак предмета или лица $\{N_{\text{Nom}} A_{(\text{cop})}\}$ со структурным вариантом $\{N_{\text{Nom}} AN_{\text{Nom}(\text{cop})}\}$, которая не только выражает признак предмета или лица, но и выявляет вхождение объекта в родовое понятие, а также передает модально-стилистический оттенок $N_{\text{Nom}}V_f$.

ЕСТЬ ЛИ ЭЛАТИВ В УЛЬЧСКОМ ЯЗЫКЕ?

В докладе будет обсуждаться одно нетривиальное изменение в падежной системе ульчского языка (тунгусо-маньчжурские). В очерках Петровой [1936] и Суника [1985] в падежную парадигму включается форма элатива («исходного падежа») на *-žiži*. Она действительно фиксируется в текстах Суника (1960-е гг.), хотя и редко (1). Чаще при указании на исходный пункт употребляется форма инструменталиса *-ži* (2), та же, что в инструментальной (3) и комитативной функциях.

По нашим данным 2017-2019 гг., современные носители используют только форму инструменталиса, элатив *-žiži* не встретился ни при элицитации, ни в текстах.

Это, на первый взгляд, свидетельствует о происходящем или совсем недавнем диахроническом сдвиге: старая специализированная форма элатива исчезает, а форма инструменталиса расширяет круг употреблений, приобретая способность кодировать исходный пункт: *инструмент > исходный пункт*. Такой сценарий, однако, плохо укладывается в типологические ожидания. Элативно-инструментальная полисемия распространена в языках мира, но направление семантического сдвига обычно обратное: *исходный пункт > инструмент* [Narrog 2010].

Уточнить наблюдаемую картину могут данные других тунгусских языков. Когнаты инструменталиса *-ži* и элатива *-žiži* засвидетельствованы в большинстве из них [Суник 1982: 160-161], оба падежа реконструируются для пратунгусского уровня [Benzig 1955: 87-88]. Высказывалось предположение, что элатив – более поздний составной падеж, восходящий к инструментальной форме слова ‘сторона’ [Benzig 1955: 60, 88; Рамстед 1957: 50; Суник 1982: 216-219].

В докладе на материале ульчских текстов разного времени, с привлечением данных родственных языков, будут проверены следующие гипотезы.

а) Инструменталис *-ži* не приобретает элативное значение, вытесняя *-žiži*, а имеет его изначально (возможно, как исходное). Прямых доказательств этому нет, однако косвенные свидетельства дают класс пространственных имен, или наречий, с особой падежной парадигмой: в значении исходного пункта они выступают не в форме элатива, в т.ч. в языках, где элатив есть, а в форме на *-ži* (см. ее трактовку в Лебедева [1936] для эвенкийского, Аврорин [1961: 201-202] для нанайского).

б) Ульчский элативный *-ži* изначально не тождествен, а омонимичен инструментальному *-ži*, и перед нами результат не семантического сдвига, а контаминации. Это предположение поддерживают данные нанайских говоров. В найхинском говоре со стандартным нанайским элативом *-žiaži* (= ульч. *-žiži*) конкурирует краткая форма *-žia*, отличная от инструменталиса *-ži*. Возможно, ульчский элативный *-ži* следует отождествлять с подобной формой.

в) Утрата элатива *-žiži* и экспансия *-ži* начинается раньше, чем кажется. Об этом говорят данные близкородственных ульчскому кур-урмийского [Суник 1958: 71] и бикинского нанайского [Сем 1976: 42-43], в которых показатель элатива отсутствует, а соответствующее значение, как и в наших ульчских данных, выражается инструменталисом.

г) Наблюдаемое в ульчском языке изменение форсируется языковым сдвигом. Это не исключено, учитывая, что мы имеем дело с данными от последних носителей.

Примеры

- (1) *Xaj-žiži=nu largi āktə agbun-či-ni.*
 что-ЕЛАТ=Q красивый женщина появляться-PST-3SG
 ‘Откуда-то красивая женщина появилась’ [Суник 1985: текст 11].

- (2) *Xaj-ʒi=da xaj=da di-di-wə-ni čupal sã-ri-i.*
 что-INS=EMPHчто=EMPH приходит-PRS-ACC-3SG всё знать-PRS-1SG
 ‘Откуда что бы не пришло, все знаю’ [Суник 1985: текст 7].
- (3) *Kučən-ʒi tuwa-ti tungən-dulə-ni kučə-lə-xə-ni.*
 нож-INS валежина-LAT грудь-LOC-3SG нож-VBLZ-PST-3SG
 ‘Ножом в валежину вместо ее груди ударил’ [Суник 1985: текст 1].

Литература

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М./Л.: Наука, 1959.
- Лебедева Е. П. Наречия места в эвенкийском языке. М.-Л.: Уч-г педгиз, 1936.
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М./Л.: Уч-г педгиз, 1936.
- Рамстедт Г. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский диалект. Л.: Наука, 1976.
- Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.
- Суник О. П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л.: Наука, 1982.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985.
- Benzing, J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden: Verlag der Akademie der Wissenschaften in Mainz in Kommission bei Franz Steiner Verlag. 1955.
- Narrog, H. A Diachronic Dimension in Maps of Case Functions. In: Linguistic Discovery, 8(1), 2010. Pp. 233–254.

Тюнтешева Елена Валерьевна
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск
Федина Наталья Никитовна
Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

ИССЛЕДОВАНИЕ УНИВЕРСАЛИЙ И КОНЦЕПТОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ)

В докладе рассматриваются некоторые проблемы, связанные с исследованием универсалий и концептов в тюркских языках Южной Сибири. Разграничиваются понятия «универсалии» и «универсальные концепты». Проводится анализ лексики духовной культуры, относящейся к трем универсальным сферам, которые так или иначе отражаются в языке: «свой – чужой», «внутренний мир человека», «жизнь – смерть». Выявляются концепты, относящиеся к данным сферам (*родственник, род, родина, жизнь, судьба, смерть*). Исследование показало, что среди этих концептов можно выделить как универсальные, так и не универсальные. Кроме того, рассматриваемые сферы содержат понятия, важные для языковой картины мира тюркских народов Сибири, но не являющиеся концептами. Это понятия, которые образуют сферу «внутренний мир человека». Они представлены лексемами, первое значение которых ‘мысль’, ‘желание’, ‘настроение’, ‘нутро’, а вторичное – ‘душа как средоточие эмоциональной и интеллектуальной жизни человека’.

В докладе будут более подробно рассмотрены концепт «родственник» и лексика, репрезентирующая понятие «душа» в сибирских тюркских языках. Представление о душе как о бессмертной нематериальной части человека характерно для христианских европейских народов. Применительно к традиционному мировоззрению коренных народов Сибири, как отмечают этнографы, термин «душа» условен. В сибирских языках единое понятие *душа* отсутствует. По представлениям народов Сибири в одном человеке несколько душ, имеющих свои характеристики и выполняющих определенные функции. В языковой картине мира традиционные названия душ связаны в основном с физическим состоянием человека. Что же касается внутреннего, духовного мира человека, с ним в рассматриваемых языках соотнесены другие названия «душ», которые, как уже было сказано, связаны с мыслительной деятельностью человека, его настроением и желанием.

ОТКРЫТЫЙ РЕЧЕВОЙ КОРПУС ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР: СБОР РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА

Диалекты сибирских татар довольно хорошо исследованы рядом учёных [Ахатов 1965; Тумашева 1992], но в настоящее время отсутствуют электронные речевые и текстовые корпуса диалектов сибирских татар. Создание речевых и текстовых корпусов является одним из первых необходимых шагов для обеспечения языка компьютерными ресурсами. В настоящее время язык сибирских татар является малоресурсным языком (under-resourced language). В 2020 году мы совершили экспедицию в Усть-Ишимский район Омской области (деревня Ильчебага). Данная территория входит в область распространения тевризского говора тоболо-иртышского диалекта языка сибирских татар. Во время экспедиции был собран речевой материал от 10 носителей. Собранный во время экспедиции речевой материал опубликован и доступен под свободной лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) в рабочем хранилище проекта [<https://github.com/ubaleht/SiberianTatar>]. Длительность записи речи каждого информанта и характеристики информантов представлены в источнике [Ubaleht 2021]. Были записаны слова из списка Сводеша, названия растений, животных, одежды, а также записана речь содержащая рассказы на заданные темы. В дальнейшем планируется: сбор речевого материала других диалектов сибирских татар; создание аннотаций для собранного речевого материала (пример аннотаций для другого создаваемого нами корпуса [<https://github.com/ubaleht/SiberianIngrianFinnish/tree/master/annotations>]); создание программного обеспечения на основе web-приложения, имеющего функционал озвученного словаря, для удобного выполнения поисковых запросов и сравнительного анализа диалектов сибирских татар, а также для анализа взаимоотношений различных диалектов сибирских татар и других тюркских идиомов Сибири.

Литература

- Ахатов Г. Х. Диалекты западносибирских татар : дисс. на соиск. учен. степени докт. филолог. наук. – Ташкент, 1965.
- Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар / Д.Г. Тумашева. – Казань : Издательство Казанского университета, 1992. 255 с.
- Siberian Tatar. URL: <https://github.com/ubaleht/SiberianTatar>
- Ubaleht I. Lexeme: the Concept of System and the Creation of Speech Corpora for Two Endangered Languages. In: Proceedings of the Workshop on Computational Methods for Endangered Languages. – 2021. – Vol. 2. Pp. 20-23.
- SiberianIngrianFinnish / Annotations URL: <https://github.com/ubaleht/SiberianIngrianFinnish/tree/master/annotations>

Хомченкова Ирина Андреевна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва

Жорник Дарья Олеговна
Институт языкознания РАН, г. Москва,
Томский государственный университет, г. Томск

РУССКИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В МАНСИЙСКОЙ РЕЧИ

В данной работе представлен корпусный анализ употребления количественных и порядковых числительных в речи мансийско-русских билингвов. В известных нам работах употребление русских числительных в мансийской речи прежде не обсуждалось, в том числе в работе [Biró, Sipócz 2009] о языковом сдвиге. Используемый нами корпус текстов (53332 словоупотребления) был собран в ходе экспедиций к носителям верхнелозьвинского диалекта в дд. Ушма и Тресколье Ивдельского района Свердловской области в 2017–2019.

На материале 103 мансийских и 28 русских числительных мы рассмотрим, какие факторы могут влиять на выбор языка. Согласно типологической работе [Matras 2007: 50], на выбор языка у числительного может влиять, во-первых, арифметическое значение (более 10 > менее 10), во-вторых, контекст (более формальные контексты: даты, денежные транзакции и т.д. > менее формальные контексты).

И арифметическое значение, и тип контекста оказались статистически значимыми (двусторонний точный тест Фишера, p -value < 0.00001), ср. Рис. 1. Однако нельзя исключать и некоторую взаимозависимость между этими категориями: числительные из большинства «формальных» контекстов попадают в категорию «больших» числительных (Рис. 2а). Более того, прослеживается и некоторое влияние типа числительного (количественный или порядковый): среди формальных контекстов порядковые числительные чаще встречаются на русском, чем количественные (Рис. 2б)

Рисунок 1. Влияние (а) арифметического значения и (б) контекста на выбор языка

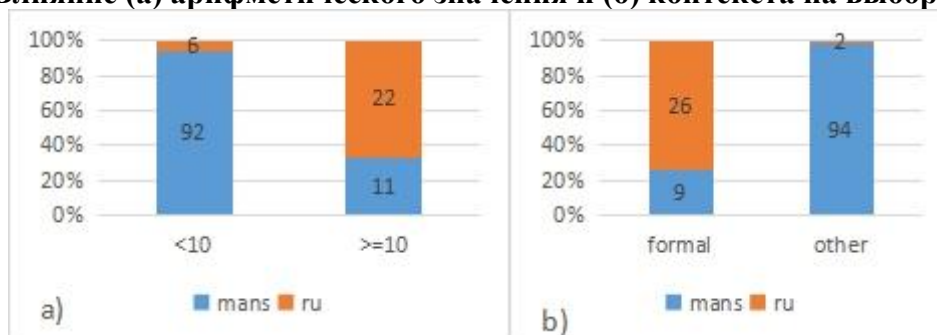
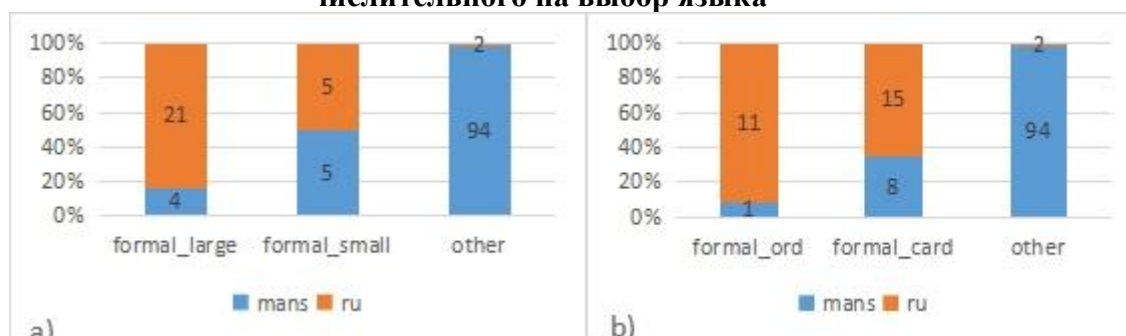

Рисунок 2. Влияние контекста и (а) арифметического значения и (б) типа числительного на выбор языка

В докладе мы подробнее обсудим наблюдающуюся взаимозависимость между факторами, а также опишем некоторые структурные характеристики конструкций с русскими числительными в мансийской речи. Так, порядковые числительные в основном встречаются в смешанных составляющих (в терминах модели «рамочного» языка, см., например, [Myers-Scotton 1993]), т. е. русские слова вставляются в «рамку» мансийского языка (1). Количественные числительные встречаются только в островах русского языка, которые могут оформляться мансийскими показателями (2). Более того, в остров русского языка могут быть адартированы и исконно мансийские лексемы (3).

- (1) *шестой июнь* *ta* *tāl-iy* *ōl-əs* *an'*
 PTCL год-TRANS быть-PST[3SG] сейчас
 ‘Шестого июня год было сейчас (со дня смерти)’.
- (2) *десять* *тап* *одинадцать* *часов-t* *kōl'a* *ōl-i*
 или часов-LOC Коля быть-NPST[3SG]
- избушка-te-t* *тап* *kol-e-t*
 избушка-POSS.3SG-LOC или дом-POSS.3SG-LOC
 ‘В 10 или 11 часов Коля был у себя в избушке, в доме’.
- (3) *xōt* *nāŋk* *xot=εar-we-s-ət* *на одном* *nāŋk-e*
 шесть лиственница от=гореть-PASS-PST-3PL лиственница-PREP.RUS
- ēltxōlas-ət* *живые остались*
 человек-PL
 ‘Шесть лиственниц сгорели, на одном лиственничном плоту остались люди живые’.

Список сокращений

3 – третье лицо, LOC– локатив, NPST – непрошедшее время, PASS– пассивный залог, PL– множественное число, POSS–посессивный показатель, PREP– предложный падеж, PST– прошедшее время, RUS– русский показатель, SG– единственное число, TRANS– транслатив.

Литература

- Bíró, B., Sipőcz, K. Language Shift among the Mansi. In: Stanford, J. N. In: Preston, Dennis R. Variation in Indigenous Minority Languages. Amsterdam: Benjamins, 2009. Pp. 321-346.
- Matras, Y. The Borrowability of Structural Categories. Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective 38. 2007. Pp. 31–73.
- Myers-Scotton, C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Секция №2
История изучения языков и культур Сибири: историография
сибиреведческих исследований

Барсуков Евгений Владимирович
Томский государственный университет, г. Томск

**«ПО СЛЕДАМ» А.П. ДУЛЬЗОНА В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ПРИКЕТЬЯ**

В середине XX века А.П. Дульзон осуществил несколько экспедиций в бассейн р. Кети. Исследователю удалось собрать не только бесценный материал по языку и этнографии коренного населения этого водотока, но и выявить несколько микрорайонов археологических памятников.

В начале XXI века сотрудниками Томского государственного университета и Томского краеведческого музея были организованы археологические разведки на р. Кеть. Основной задачей экспедиций явилось обследование памятников, открытых А.П. Дульзоном, а также проверка сведений о древних объектах, полученных исследователем от местного населения. Особое внимание было уделено русским и инородческим укрепленным пунктам, известным по письменным источникам XVII века: Урлюково городище и Кетский острог.

Урлюково городище. По данным А.П. Дульзона с именем князя «Орлика» в окрестностях юрт Урлюковых (Верхнекетский район Томской области) были связаны два объекта. Проведенные разведки позволили идентифицировать один из них, упоминаемый А.П. Дульзоном под названием «Кара-лози-сок». Второй памятник, сведения о котором были получены исследователем от местного населения, называвшим его «Урлюково городище», в середине XX века обследовать не удалось. В месте его предполагаемого нахождения, нами был выявлен археологический комплекс, состоящий из городища и поселения. Предварительные рекогносцировочные работы позволили датировать городище ранним железным веком, что делает преждевременной их идентификацию с упоминаемым А.П. Дульзоном «Урлюковым городищем», однако и не исключает этого. Для аргументированных выводов необходимо провести раскопочные работы, нацеленные на уточнение хронологии этих объектов.

Кетский острог. Письменные источники указывают, что острог в XVII веке несколько раз менял свое месторасположения. В 2018-2019 годах были обследованы два района его предполагаемой локализации. Недалеко от современной д. Усть-речки, где по мнению А.П. Дульзона располагался хронологически последний Кетский острог, удалось выявить культурный слой XVII-XVIII веков. Исследования в этом направлении только начаты и требуют продолжения, однако очевидно, что без материалов Андрея Петровича, ставших ориентиром наших работ, они были бы невозможны.

Литература

Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956, № 5. С. 89-317.

**АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ДУЛЬЗОН - АРХЕОЛОГ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Андрей Петрович Дульзон - основатель томской лингвистической и археологической школ – доктор филолог. наук, зав. кафедрой Томского педагогического института в 1941–1973 гг. На территории Томской области исследовал памятники от неолита до Нового времени. Первый составитель Археологической карты памятников Томской области (572 пам-ка) [1956]. Организатор и руководитель археологических экспедиций: Историко-археологической экспедиции ТГУ и ТГПИ на Басандайском могильнике (1944–46), Комплексной Чулымской экспедиции. Создатель Программы комплексного изучения коренных этносов Западной Сибири и их языков. Апробация программы состоялась на Чулыме, где в 1946 г. под его руководством были проведены раскопки могильников в окрестностях дер. Тургай-Балагачево, кладбища на Ясашной Горе. В 1947 – 1951 гг. исследования были продолжены и в результате полученных антропологических, лингвистических, этнографических и исторических источников была написана работа «Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар» [Дульзон 1953]. В 1952 по 1954 гг. А.П. Дульзон продолжил изыскания по древней истории самодийского населения – селькупов Кети и Оби. В 1954 г. под его руководством были проведены раскопки могильников Пачангского и на Остяцкой Горе. Сопоставление археологических материалов с Чулыма и Оби позволили ему выделить основные элементы остяцкой и чулымско-тюркской культуры. Во второй половине 1950-х годов появились базовые труды А.П. Дульзона по этнической принадлежности средневековых памятников томских и чулымских тюрков, селькупов Оби и Кети [1955]. В результате анализа археологических, антропологических, лингвистических, этнографических и исторических источников был реконструирован облик аборигенного населения Томской области, его хозяйственные занятия, материальная и духовная культура, погребальный обряд.

А.П. Дульзону удалось достичь поставленной цели: соединить остатки «мертвой» археологической культуры с живым населением, проживавшим на территории области и сохранившим свой язык и культуру.

Литература

- Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1953. Т. X.
- Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Томск, 1956. Т. V.
- Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1955. Т. 13.

Колесникова Светлана Юрьевна

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

Валихова Лариса Витальевна

«Научно-исследовательский институт медицинской генетики», федерального государственного бюджетного научного учреждения «Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук», г. Томск

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕНИСЕЙЦЕВ (КЕТОВ) В 21 ВЕКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Енисейцы (кеты) на протяжении многих десятилетий привлекали внимание ученых. На сегодняшний день остается нерешенной проблема происхождения и этногенеза енисейцев. В частности, в археологических исследованиях четко прослеживается взаимодействие культур указанных этносов с культурами хантов, селькупов и эвенков [Малолетко 2013]. Есть предположения лингвистов о связи кетов с североамериканскими индейцами, китайцами, гуннами [Дульзон 1968: 137, 138, 142]. Некоторые ученые сближают кетов с тибетцами. Анализ новых материалов по антропологии кетов подтверждает автохтонное для территории Сибири происхождение этого народа [Аксянова 2013: 27, 28, 31; Аксянова 2013: 23, 25, 26]. Это далеко не все гипотезы относительно места и роли енисейцев в этническом пространстве.

Представляется обоснованным и целесообразным в 21 веке проводить комплексный анализ истории енисейцев с более масштабным участием ученых-генетиков. По имеющимся исследованиям, выводы компонентного генетического анализа хорошо согласуются с данными этнологии, антропологии и лингвистики о вкладе енисейского компонента в формирование различных народов Алтая-Саян и историческим ареалом енисейских языков [Харьков и др. 2019: 337].

Одним из приоритетных направлений современной генетики является изучение структуры генофондов народов, которое помогает раскрыть детально часть вопросов, связанных с их этногенезом. Енисейский компонент в генофонде коренного населения Сибири является одним из наиболее древних. В мужской части генофонда кетов преобладает гаплогруппа Q1b1a, которая представлена двумя сублиниями - сублинии: Q1b1a3b1a2-B33 и Q1b1a3b4-B31. Носители клады Q мигрировали на север Восточной Азии и далее на американский континент. В настоящее время большинство мужчин, коренных жителей Южной Америки, имеют гаплогруппу Q. Носители гаплогруппы Q также проживают в Северной Америке. Клада Q с наибольшей частотой в Евразии встречается в популяциях коренных народов Сибири [Karafet et al. 2002: 67, 68]. В Сибири возникновение Q связано с миграцией её носителей с юга на север и северо-восток, предположительно из Средней Азии. Поскольку у кетов обнаружено две разных сублинии этой гаплогруппы, то, вероятнее всего, в результате миграций произошло оседание на Енисейском Севере немногочисленных групп, в дальнейшем, с продвижением отдельных семей на север, образовались смешанные территориальные группы.

Представленный анализ генофонда позволяет говорить о родстве енисейских народов с коренным населением Северной и Южной Америки, что подтверждает гипотезы лингвистов и антропологов. Таким образом, комплексное изучение этих народов с привлечением генетических исследований позволит прояснить некоторые вопросы их этноистории.

Литература

- Аксянова Г. А. Кеты и их прародина: антропологический ответ // Вестник Томского государственного университета. 2013. №4 (24). С. 27-31.
- Аксянова Г. А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии. 2013. №1 (123). С. 20-58.

- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: изд-во ТГУ, 1968. 636 с.
- Малолетко А. М. Угры, самодийцы, кеты, предыстория // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. Т.3. №23. С. 194-215.
- Харьков В. Н. [и др.]. Енисейский генетический субстрат в генофонде коренного населения Южной и Западной Сибири // VII съезд вавиловского общества генетиков и селекционеров, посвященный 100-летию кафедры генетики СПбГУ, и ассоциированные симпозиумы. - СПб, Издательство ВВМ, 2019. 337 с.
- Karafet, T. M. [et al.] High Levels of Y-Chromosome Differentiation among Native Siberian Populations and the Genetic Signature of a Boreal Hunter-Gatherer Way of Life. In: Hum Biol. 2002. V 74. Pp. 61-89.

Сайнакова Наталья Викторовна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Томский государственный университет, г. Томск

**ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В.А.
ДРЕМОВА, КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ
СЕЛЬКУПСКОГО ЭТНОСА**

Во второй половине XX в. для исследования языков и культур коренных народов Сибири, в том числе и селькупов, многими томскими учёными использовался комплексный подход. Суть этого подхода заключалась в использовании методов и результатов различных научных дисциплин. Так лингвисты-селькуповеды, от жителей селькупских деревень сделали ценные записи селькупских диалектов на основе которых были написаны словари и учебные пособия. Основной упор в их деятельности был сделан на сбор материалов по языку, этнографии, археологии в местах проживания аборигенов.

Материалы собирались по специально разработанным программам, что позволило в дальнейшем не только вести целенаправленное описание каждого языка, но и делать межъязыковые сравнения и сопоставления.

Был рассмотрен и проанализирован комплексный подход, который так же был применён выдающимся специалистом в области антропологии коренного населения Сибири В.А. Дрёмовым (22.12.1940 – 22.03.1996). С 1959 по 1993 гг. он провел около 35 экспедиций и более 25 разведок на территории Западной и Южной Сибири, что позволило не только пополнить, но и систематизировать источниковую базу по краниологии коренных народов. В настоящее время полевые материалы В.А. Дрёмова остаются не опубликованными, и каждая работа с ними представляет собой источниковедческий интерес.

Было выявлено количество собранного материала и полевых записей, относящихся селькупам. Неопубликованные полевые материалы В.А. Дрёмова были проанализированы, применительно к изучению селькупского этноса. Удалось охарактеризовать этнографическую и антропологическую составляющую экспедиционных сборов исследователя по всем населённым пунктам, где были зафиксированы селькупы.

Литература

Дрёмов В. А. «Антропологическая экспедиция Томского университета 1965 г. Обь, Васюган». Полевые дневники. Томск, 1965.

Тучков Александр Геннадиевич
Томский государственный педагогический университет, г. Томск

**ОПЫТ РЕОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
УСТРОЙСТВА ИНОРОДЧЕСКИХ ВОЛОСТЕЙ НАРЫМСКОГО КРАЯ
В 1920-1950-Е ГГ.**

Вопрос о реорганизации административно-территориального устройства инородческих волостей Нарымского края был одним из первых в системе мероприятий советской власти по переустройству экономики коренного населения. Данная реорганизация должна была проводиться в контексте общей национальной политики государства, с учетом интересов коренного населения. Старая, дореволюционная административно-территориальная система деления Нарымского края на инородческие волости уже не удовлетворяла интересы новой власти. В этой связи государственными органами власти (на начало 1920 г. – ревкомы) планировалось осуществить ряд мероприятий, направленных на выявление численности коренного населения края, его санитарного состояния, особенностей ведения промысла, общего экономического уклада, а также условий взаимодействия коренного населения с русским населением. Результатом такого целенаправленного интереса должна были стать обоснованная объективными условиями выработанная политика по качественному переустройству быта коренного населения Нарымского края.

Секция №3
Археология, этнография и фольклор

Ким Антонина Александровна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Ким-Малони Александра Аркадьевна

Томский государственный педагогический университет, г. Томск,

Томский государственный университет, г. Томск

ТИПОЛОГИЯ СИТУАЦИЙ ОБОЮДНОГО ОБМЕНА У НАРОДОВ СИБИРИ

Наиболее плодотворной методологической базой исследования фольклорных и этнографических материалов на современном этапе является междисциплинарность, объединяющая возможности многих гуманитарных наук. Данное исследование предлагает междисциплинарный ситуативный подход, сочетающий такие науки, как этнография, лингвистика, культуроведение, фольклористика. Суть данного подхода состоит в том, что фольклорные и этнографические тексты рассматриваются как совокупность ситуаций, компоненты которых выявляются и интерпретируются при помощи методологического аппарата указанных наук. Эффективность ситуативного подхода уже апробирована на таком материале, как ситуация метаморфозы и ситуация конфликта [Вайда и др. 2016; Ким-Малони, Ким 2020]. Здесь ситуация рассматривается как совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение. Экстралингвистическая ситуация может быть сопряжена с речевой ситуацией, т.е. с определенным речевым поведением. В фольклоре ситуация коррелирует с мотивом - отличительной чертой или доминантной идеей литературной композиции. Таким образом, объединив понимание ситуации с позиции разных дисциплин, мы получаем особую междисциплинарную единицу, позволяющую наиболее широко интерпретировать фольклорные и этнографические данные.

Ситуация обоюдного обмена (вещами, услугами, обещаниями и пр.) рассматривается на примере селькупского и хантыйского этносов. Компоненты такого рода ситуаций – это даритель, получатель-отдариватель, подарок-отдарок, повод, эффект. К. Хогарт использовала термин *reciprocity* для интерпретации ритуального обмена Kut в корейском шаманизме и определила его участников: шаманы – духи – спонсоры [Kim 1998: 169]. Судя по материалам сибирских этносов, обмен для обоюдной пользы используется у них шире и включает не только сакральную сферу.

Можно выделить сакральные и фольклорные ситуации. В сакральных ситуациях присутствуют особые компоненты: посредник/шаман, получатель/сверхъестественное существо, заклинание, заклинатель, а подарок имеет статус жертвы. Каждый из компонентов реализуется в языке и дает дополнительную информацию, например, в хантыйском языке *jig* и *rogı* – это подарки духам или богу Торуму (=жертвы); *multa* – заклинать, просить принять жертву.

В фольклоре встречается нарушение обоюдного обмена. В селькупской сказке «Девушка и лед» Старик (даритель) предлагает Льду младшую дочь в обмен на жизнь. Обмен сначала состоялся, но дочь освободилась, и в итоге обмен нарушился.

Ситуации обоюдного обмена носят универсальный характер и четко интерпретируются по составляющим их компонентам.

Литература

Вайда Э. Д., Ким-Малони А. А., Ким А. А., Лингвокультурная интерпретация метаморфозы в фольклоре народов обско-енисейского ареала // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. С. 73-80.

Ким-Малони А. А., Ким А. А. доклад «Этнолингвистика конфликта (поданным фольклора народов Сибири» // XVIII ЗСАЭК, 16-18.12.2020 ТГУ.
Kim Hogarth H-K. KUT: Happiness through Reciprocity. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1998.

Лилявина Елена Владимировна
Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова, г. Томск, Россия

Лемская Валерия Михайловна
Томский государственный педагогический университет, г. Томск,
Томский государственный университет, г. Томск,
Институт языкознания РАН, г. Москва

ТЕРМИНЫ РОДСТВА ЭУШТИНСКО-ЧАТСКОГО ГОВОРА

В культуре томских татар семья была и остается одним из основных институтов в структуре общества. Лексика родства как отдельная тематическая группа в томско-татарском языкознании до настоящего времени не подвергалась комплексному исследованию. Материалом настоящего исследования является семейно-родовая лексика, собранная в ходе этнолингвистических экспедиций 2009–2019, 2021 гг. на территории г. Томска и Томской области.

В ходе исследования были зафиксированы семейные истории, установлены генеалогические схемы для выявления фамильного состава, определены родственные связи внутри группы и между жителей соседних деревень. По этим данным представляется возможным определить состав семьи респондентов, происхождение их предков (из каких районов они прибыли и др.), а также выяснить точку зрения информантов касательно вопроса самоидентификации (к каким татарам они себя относят и пр.).

Основными методами сбора материала для настоящего исследования послужили методы наблюдения, анкетирования, интервью и сравнения. Зафиксированы томско-татарские термины родства. Произведено сравнение с лексикой, опубликованной ранее в диалектологическом исследовании профессора А.П. Дульзона, а также с лексикой татарского литературного языка, представленной в труде по этнографии д.и.н. Р.К. Уразмановой.

Были получены выводы о том, что в современной лексике, обозначающей генеалогические связи, большинство примеров являются кальками (прямыми переводами) описательной терминологии русского языка. Выявляется определенный процент сходений с номенклатурой родства и свойства эуштинцев, приведенной А.П. Дульзоном и вновь собранным материалом. Необходима дальнейшая верификация данных с лингвистической точки зрения, анализ степени сохранности представлений о родстве и свойстве у томско-татарского населения и выражения этого в лексике их языка.

**ОБРЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ КОРЯКОВ В МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕДИЦИЙ
ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СО РАН**

Обрядовая сфера традиционной культуры народов, населяющих Северо-Восток Евразии (в том числе коряков), подверглась значительной трансформации – как в годы Советской власти, так и в постсоветский период всемирной глобализации. В то же время устойчиво сохраняются такие традиции, как ритуальное употребление мухоморов, погребальная обрядность кочевых коряков (кремация). К числу привнесенных в последние десятилетия инноваций отнесем вытеснение традиционных обрядов ритуалами современных христиан-баптистов и пятидесятников, получивших значительное распространение среди коряков.

Институт филологии СО РАН в 2004-2006 гг. провел две комплексные фольклорно-этнографические экспедиции в Корякский автономный округ. В ходе полевых исследований были зафиксированы и ритуальное употребление мухоморов с исполнением песен и танцев, и погребальный обряд (кремация умершего на костре), и богослужение корякской общины Церкви Полного Евангелия на берегу Охотского моря, включавшее, кроме исполнения христианских песнопений, и элементы традиционной музыкальной и хореографической культуры коряков – игру на бубне и танцы.

Часть записанных видеоматериалов войдет в видеоприложение к томам «Фольклор оседлых коряков» и «Фольклор кочевых коряков» академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА И МЕЛОДИИ В ОБРЯДОВОМ ПЕНИИ ХАНТОВ

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Доклад посвящен особенностям хантыйского обрядового пения, связанным с трансформацией текста и мелодической формулы. Материал – песни медвежьего праздника казымской традиции (запись 2002 г.). Нотная расшифровка песен позволяет увидеть изменения в поющемся тексте. Встраиваясь в рамки мелодического каркаса, он наделяется добавочными слогами (особенно в глагольных строках), в нем появляется распевание гласных, вставки звуков γ , χ , j между двумя соседними гласными. Обрывы слов, связанные с дыханием, порождают повторы слова целиком, изменяя синтаксическую структуру не только поэтической строки, но и мелодии. На композицию может влиять также кашель – случайный и неслучайный (имеющий семантическое значение), паузы и вставки сонантов, возникающие из-за жевания табака. Варьирование внешне простой мелодической формулы порождает сложные интонационные процессы, в том числе на микроуровне. Помимо внутрислоговых распевов, появляются внутритоновые: тон-зона часто содержит микрораспев, состоящий из нескольких звуков (иногда их более 10). Мелодия орнаментируется с помощью микроопеваний и микромордентов, вибраций и внутритоновой пульсации. Некоторые тоны нестабильны по высоте настолько, что представляют собой непрерывное скольжение.

Изменения поющего стиха по сравнению с нормативным и варьирование мелодии-основы в казымских медвежьих песнях показывают их жанровую специфичность, а также характеризуют локальную традицию обрядового пения.